

Н. Работяжев,

кандидат политических наук

(Институт мировой экономики и международных отношений РАН)

В. Исаев,

кандидат социологических наук

(Академия труда и социальных отношений)

ГЛУБОКОЕ ОБНОВЛЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВА – УСЛОВИЕ ОЗДОРОВЛЕНИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Уже не первый год самые разные политические силы выступают с требованием повышения роли государства, усиления государственного регулирования экономики и т. д. В последнее время идея о необходимости сильного государства стала важнейшим звеном программы действий президента России. Эта ориентация обусловлена не только нынешней российской ситуацией, она опирается и на опыт развитых стран мира, в экономике которых государство играет значительную роль (существует государственный сектор, государство перераспределяет в интересах социальной справедливости значительную долю валового внутреннего продукта, с помощью налоговой и денежно-кредитной политики регулируются экономические процессы, а во Франции, например, уже многие годы практикуется даже индикативное планирование народного хозяйства). Даже в тех странах, где наиболее прочны либеральные традиции, рыночные отношения сочетаются с государственным вмешательством в экономику (государственным интервенционизмом, дирижизмом). Все социальные экономические достижения развитых европейских стран стали возможны именно на основе такого сочетания. Поэтому требование, чтобы государство в России играло важную роль в развитии экономики, проводило активную и эффективную политику, не вызывает возражений.

Однако нужно честно ответить на вопрос, способно ли сыграть активную **позитивную** роль **существующее** государство и вообще возможна ли такая роль государства в условиях **существующей** в настоящее время экономики. Поскольку ответ на эти вопросы нам представляется ясным, приходится делать вывод, что предстоит огромная работа по обновлению государства, «расчистке» выполняемых им сегодня функций, прежде чем государство обретет в должной мере способность служить интересам общества и оздоравливать экономику. Эта задача осложняется тем, что при нынешних социально-экономических отношениях обновление государства весьма затруднено. Следовательно, российской власти и

российскому обществу необходимо одновременно и взаимоувязанно вести решительную и последовательную работу по превращению государства в действенный инструмент реализации общественных интересов, а экономики – в полноценную рыночную и социально ориентированную систему. Пытаться же решать задачи преодоления экономического кризиса и его последствий, обеспечения устойчивого экономического роста, повышения жизненного уровня населения с помощью нынешней государственной машины, обслуживающей частные и корпоративные интересы, зараженной коррупцией, блокирующейся нередко с криминальным миром – бесперспективно. А обновление государства возможно лишь на базе поэтапного преодоления социальных пороков экономики и прежде всего своекорыстного использования государственных ресурсов работниками государственного аппарата и близкими к ним криминально-предпринимательскими группами.

Вспомним, что именно существующий государственный аппарат конвертировал власть в собственность, способствовал «олигархизации» народного хозяйства, формированию огромных личных состояний за счет государственных средств. Кстати, этот процесс, вину за который общество сегодня возлагает на «молодых реформаторов» 90-х годов, развернулся еще в начале «перестройки». Партийно-хозяйственная бюрократия провела первый этап «номенклатурной приватизации» («приватизацию до приватизации») еще в 1987-1991 гг. В этот период директора превращали фактически в свою собственность предприятия, переданные им в «полное хозяйственное ведение». Министерства и ведомства преобразовывались в концерны, холдинги и ассоциации, причем их президентами становились министры или их заместители. Госнаб трансформировался в систему бирж, государственные банки преобразовывались в коммерческие и т. д. Бурно развивалась «комсомольская экономика», выросшая на базе центров научно-технического творчества молодежи (ЦНТТМ). Примечательно, что в 1994 г. 17% людей, входивших в бизнес-элиту России, были выходцами из структур ВЛКСМ, т. е. начали экономическую деятельность в 1987-89 гг. именно в «комсомольской экономике». Происходил также активный процесс коммерциализации собственности КПСС. Именно в эти годы закладывались основы крупнейших современных финансово-олигархических группировок.

Официальная приватизация, начавшись в 1992 г., стала, по выражению многих свидетелей, «самым крупным хищением в истории», «крупнейшим разбазариванием государственной собственности». Курс на номенклатурную приватизацию был продолжен, т. к. отвечал интересам правящей элиты, которая в противном случае никогда бы не приняла ни «перестройку», ни «реформы». Интересы номенклатуры реализовало и защищало именно государство, государственный аппарат. В пер-

вую очередь именно эти интересы диктовали направление и последовательность преобразований после января 1992 г. Именно государство организовало трансформацию партийно-советской верхушки в олигархические группы. Так выполнялся «социальный заказ» коммунистической номенклатуры – создание условий для присвоения ею собственности, прежде всего наиболее крупной и доходной. «Компаньонами» правящей номенклатурной верхушки стали подкармливающие ее коммерческие структуры и организованные преступные группировки.

На практике существовало несколько способов трансформации номенклатуры в бюрократическую буржуазию. Многие лакомые куски собственности с помощью президентских указов были переданы высокопоставленным аппаратчикам или созданным ими коммерческим структурам. Нередко высшие чиновники прямо назначались главами крупных экономических структур (корпораций, фондов и т. д.), создававшихся специально «под них», в уставный капитал таких структур вносились государственные средства. К примеру, глава администрации президента в 1991-1993 годах Ю. Петров после отставки был назначен председателем Государственной инвестиционной корпорации (Госинкор), министр экономики России А. Нечаев после отставки в апреле 1993 г. возглавил Российскую финансовую корпорацию, бывший министр промышленности А. Титкин – корпорацию «Технологии и инвестиции в России» и т. д.

Далее, правительство обеспечило присвоение номенклатурой приватизируемой государственной собственности за проценты или даже за доли процента от ее реальной стоимости. По оценке В. Полеванова, возглавившего Госкомимущество после А. Чубайса, 500 крупнейших приватизированных предприятий России стоимостью не менее 200 миллиардов долларов были проданы за 7,2 миллиарда. Так, одно из крупнейших предприятий страны – завод им. Лихачева (г. Москва) со стоимостью основных фондов не менее 1 миллиарда долларов был продан всего за 4 млн долларов. (Впрочем, проданный даже по такой низкой цене ЗИЛ серьезных инвестиций от новых собственников не получил.) Реализованная модель приватизации принесла за два года (1992-1994) в бюджеты всех уровней лишь 1 триллион рублей доходов, что в *два раза меньше*, чем составили доходы от приватизации государственной собственности в одной только Венгрии!

В конце горбачевской – начале ельцинской эпохи чиновники и сами активно занялись учреждением коммерческих структур, руководящие посты в которых занимали они сами или их «аффилированные лица» (родственники, знакомые) и в которые перекачивались государственные средства или «деньги КПСС». Так возникли многочисленные АО, совместные предприятия, коммерческие банки. Как считает известная журналистка Е. Альбац, деньги КПСС и КГБ легли в основу едва ли не 80% созданных в конце 80-х – начале 90-х годов новых банков, бирж, концернов.

Приватизация, таким образом, стала грандиозным бюрократическим перераспределением государственного капитала, в ходе которого номенклатура передала собственность самой себе, связанным с ней коммерческим структурам и теневому капиталу. В результате такой «реформы» полноценная рыночная экономика и цивилизованная частная собственность, конечно же, не возникли. Подлинная предпринимательская активность редко играла существенную роль в формировании частной собственности. Повторяем, все эти «новации» организовывало государство, а его деятели различных уровней «погрузились» в возникшую криминально-собственническую среду, адаптировали к ее требованиям государственные функции и механизмы. Нет оснований полагать, что к концу 90-х годов что-либо изменилось в этом отношении. Новый президент России унаследовал именно такой государственный аппарат, с помощью которого оздоравливать общество более чем сложно.

Анализируя расклад социальных сил, определяющих сущность современного российского государства, следует учитывать специфику господствующего класса нынешней России. В итоге реформ только незначительная часть бывшей советской партийно-государственно-хозяйственной бюрократии стала подлинной частнопредпринимательской буржуазией (собственниками и менеджерами фирм, изначально созданных как частные). Самая большая часть номенклатуры превратилась в специфическую социальную группу, сочетающую черты бюрократии и буржуазии. Эта группа и стала костяком новой российской элиты (или – в неомарксистской терминологии – господствующего класса). Ее важнейшей чертой является объединение в одних руках политической и экономической власти, административных рычагов и собственности.

В ходе процессов распада и модификации партийно-государственной номенклатуры в 1988-1994 годах возник целый конгломерат различных субэлит. В нем, например, М. Чешков выделяет группу политиков и государственных администраторов, группы буржуазии (бюрократическая и частнопредпринимательская), группу государственной буржуазии (высшие менеджеры государственного сектора)¹.

Государственная администрация в России должна быть, казалось бы, близка по своим функциям к административной бюрократии индустриального и постиндустриального общества, однако она еще вовсе не является рациональной бюрократией в понимании М. Вебера. Главная черта государственной бюрократии в России – фактическая монополия на распределение ресурсов, и эту монополию она использует прежде всего в своих интересах и в интересах лоббируемых ею экономических группировок и фирм. Практика свидетельствует, что распределение чиновниками льготных кредитов, установление налоговых льгот, выдача

¹ М. Чешков. «Вечно живая» номенклатура? // Мировая экономика и международные отношения. 1995. № 6, с. 37-38.

лицензий на экспорт и т. п. показывает, что зачастую эти действия не вытекают из народнохозяйственных интересов, задач рационального хозяйствования и т. д. Чиновники государственного аппарата нередко фактически непосредственно вовлечены в крупный бизнес, выступают как предприниматели, хотя обычно маскируют это, используя родственников и доверенных лиц. Другие официально участвуют в управлении фирмами, входя в состав советов директоров, правлений и т. д.

Нельзя не отметить, что на деятельность государственного аппарата огромное влияние оказывает процесс **сращивания властных структур, коммерческих организаций и криминальных элементов**. На этой основе и в центре, и в регионах сформировались своеобразные номенклатурно-мафиозные кланы. «Такое сращение новых мощных криминальных капиталов с властью, – писал А.И. Солженицын, – окончательно закроет доступ возникновению в России свободной рыночной экономики и конкуренции. Она не начиналась – и, при таком ходе дел, не начнется»¹.

К бюрократической буржуазии относятся и те представители директорского корпуса, которые в ходе «директорской приватизации» стали собственниками участвующих или частных предприятий. Этот слой неономенклатуры также тесно сросся с теневой экономикой, причем сращение это началось еще в эпоху Брежнева.

Одним из проявлений слияния собственности и власти в руках чиновничества является также феномен «административного предпринимательства». Местные администрации во многих регионах России после 1992 г. также включились в коммерцию: создавали внебюджетные финансовые и товарные фонды и другие коммерческие структуры, заключали сделки с западными компаниями, продавали объекты незавершенного капитального строительства и т. д.

Еще одной социальной группой, «вылупившейся» из номенклатуры КПСС, является государственная буржуазия – «высший персонал различных государственных экономических институтов – от госпредприятий и государственных компаний до экономических министерств и ведомств»². Формирование госбуржуазии началось с преобразования в конце 80-х годов министерств, ведомств, главков в концерны, холдинги и ассоциации. Государственная буржуазия руководит не только этими концернами и холдингами, но и созданными впоследствии государственными корпорациями и компаниями со значительным участием государства. Госбуржуазия контролирует не менее половины активов промышленности, т.е. является, по-видимому, самой мощной (по своему экономическому и политическому весу) из всех перечисленных группировок неономенклатуры. Социально-экономической основой этой мощи являются отрасли ВПК, топливно-сырьевого и агропромышленного комплекса.

¹ «Общая газета», 28.11 – 4.12. 1996.

² М. Чешков. «Вечно живая» номенклатура?, с. 38.

Все вышеперечисленные групповые образования, на которые распалась номенклатура КПСС после разложения «партии-государства», не являются обособленными. В реальности политики, государственные администраторы, бюрократическая буржуазия, госбуржуазия и частно-предпринимательская буржуазия тесно переплетены между собой, четкие границы между ними провести едва ли возможно.

Государственная буржуазия имеет тесные связи с частным сектором, создавая совместные компании и приобретая их акции. Феномен административного предпринимательства стирает грань между государственными администраторами и бюрократической буржуазией. Государственная администрация не только имеет прямое отношение к регулированию экономики (распределяет ресурсы, выдает лицензии, взимает налоги, устанавливает экспортно-импортные пошлины и т.д.), но и более непосредственно связана как с государственной буржуазией, так и с частнопредпринимательской буржуазией. К тому же между ними систематически происходит перетечка кадров, прежде всего руководителей высшего звана.

Таким образом, в реальности Россией правит неономенклатурная корпорация, состоящая из чиновников-бизнесменов и монополизировавшая и политическую, и экономическую власть. Институциональная неразделенность власти и ее бесконтрольность приводят к многочисленным экономическим злоупотреблениям. В их числе упомянем разграбление природных ресурсов и государственного капитала, расхищение правящей бюрократией западных кредитов (по данным З. Бжезинского, из 130 млрд долл., поступивших в Россию в 1992-1997 гг., разворовано 65-70 млрд долл.), многомесечные невыплаты зарплаты, произвол в расходовании бюджетных средств, хищения и коррупцию буквально на всех этажах властной пирамиды, сращивание коррумпированной бюрократии с предпринимательством, нередко носящим полукриминальный и криминальный характер. Сосредоточение власти и собственности в одних и тех же руках препятствует формированию цивилизованной рыночной экономики и ведет (как показывает и опыт ряда стран третьего мира) только к коррупции, экономическому застою и нищете.

Именно органы государственной власти – и законодательные, и исполнительные – сформировали специфическую **псевдочастную собственность**, владельцы которой или сами являются чиновниками, или тесно связаны с правящей номенклатурой (то есть с государством) «личной унией» или системой коррупции. Важно отметить, что эта получастная-полугосударственная (а нередко и частично-полугосударственно-полукриминальная) собственность создавалась в значительной степени осознанно, ибо позволяла обогащаться тем, кто ее создавал и ею управлял. Так, в информационной записке и. о. генерального прокурора РФ А.Н. Илюшенко от 29.11.1994, адресованной премьер-министру В. Чер-

номырдину, указывалось, что «идет искусственное смешивание государственной и частной форм собственности, ради извлечения предприятиями сиюминутной выгоды происходит перекачка федерального имущества в руки частного бизнеса»¹.

В то же время действительно частная собственность – собственность без участия власти или без тесных связей с властью – не имеет никаких гарантий своего существования. Еще в начале 1993 г. известный диссидент и правозащитник Лев Тимофеев заметил, что правящая Россией номенклатурная корпорация создала такую систему, которая «допускает институт частной собственности ... но только в рамках круговой зависимости каждого собственника от всей корпорации в целом»². Возникшие в ходе приватизации хозяева частно-государственных предприятий, псевдогосударственных и псевдочастных, конечно, не стали и не могли стать эффективными собственниками и стратегическими инвесторами. Они и ощущали себя не собственниками, призванными заботиться о процветании фирмы, а временщиками, главная задача которых – разграбить ресурсы предприятия, продать их, валюту перевести за рубеж, сдать площади предприятия в аренду и т. д.

Кстати, все эти процессы не являются для России принципиально новыми. Тесная связь собственности с властью и неуважение права частной собственности являются давней российской традицией, они связаны с «вотчинным характером» государства в России. Вотчинное (patrimonial) государство, согласно американскому историку Р. Пайпсу, характеризуется тем, что в нем «политическая власть мыслится и отправляется как продолжение права собственности, и властители (властители) является одновременно и сувереном государства, и его собственником»³. Еще в XVI в. английский дипломат Дж. Флетчер обратил внимание на следующую разницу между Англией и Московской Русью: в Англии существует гарантия, что частная собственность не будет произвольно отобрана государством у ее владельца; в Московии собственник в любой момент может по капризу власти ее лишиться. И в XX веке советское (российское) государство неоднократно «экспроприировало» имущество своих подданных.

Особо следует подчеркнуть следующее: «экспроприация» сбережений населения в январе 1992 г. и в августе 1998 г. означала не в последнюю очередь экономическое подавление массового слоя потенциальных или реальных конкурентов неономенклатуры. Пока подобное отношение государства к собственности не изменится, никакая здоровая экономиче-

¹ А.Н.Ильюшенко. Информационная записка о фактах разбазаривания федеральной собственности на предприятиях военно-промышленного комплекса. 29.11.1994, исх. № 19-15-94.

² «Известия», 26.02.1993.

³ Р. Пайпс. Россия при старом режиме. Пер. с англ. М., 1993, с. 11,39.

ская деятельность не будет возможной, а инвестиционный климат не улучшится.

Государство своими действиями периодически уничтожает ростки рыночной экономики. С самого начала номенклатурной приватизации правящая бюрократия стремилась не допустить возникновения независимого от нее настоящего частного сектора и подлинно рыночной экономики. Очевидно, что допущение рыночной конкуренции и независимой частной инициативы противоречило фундаментальным социальным интересам бюрократического класса. Усилия чиновников были направлены на то, чтобы сформировать **номенклатурно-монополистический капитализм**, при котором власть и собственность были бы сконцентрированы только в их руках. «Собственность – это самая большая сила, которая может себе позволить противостоять власти», – заметил П.Ж. Прудон в своей «Теории собственности»¹. А потому российское государство формировало отношения собственности таким образом, чтобы независимые от него хозяйствующие субъекты не возникли.

На пути создания независимого от номенклатуры частного предпринимательства препятствия создавались постоянно. Фактическая конфискация вкладов населения в Сбербанке (составлявших на 1 января 1992 г. более 370 млрд руб.) лишила массу людей возможности приобретать акции приватизируемых предприятий. «Финансовые пирамиды», строившиеся, вероятно, при прямом или косвенном участии властей, служили той же цели – не допустить, чтобы средства населения были использованы для покупки акций выставлявшихся на аукционную продажу государственных предприятий. Механизм приватизации с помощью ваучеров – приватизационных чеков на предъявителя был создан в интересах номенклатуры, ибо то, что ваучеры не являлись именными, облегчило их скупку у населения основанными номенклатурой коммерческими структурами. (В то же время в других странах, где проводилась чековая приватизация – в Чехии, Литве, – выдавались именные неликвидные приватизационные чеки, которые можно было только обменивать на акции. Объясняя эту меру, правительство Литвы летом 1990 г. заявило, что бонусы на получение части государственного имущества нельзя будет продавать, так как в противном случае приватизированное имущество сконцентрируется в руках партийной номенклатуры и спекулянтов, которым принадлежит большая часть сбережений. Именно это и произошло в России.)

Введение фактически конфискационных налогов также сыграло свою роль в блокировании развития независимого частного бизнеса. Примечательно, что даже сам Б.Н. Ельцин в послании Федеральному Собранию в феврале 1994 г. признал, что при существующей налоговой

¹ Цит. по: М.Фламэн. История либерализма и современный либерализм. Пер. с фр. М., 1995, с. 64.

системе любому предприятию и предпринимателю честно можно только умирать, причем мучительной смертью.

Отношение властей к мелкому и среднему предпринимательству (МСП) не изменилось и к настоящему времени. Так, в федеральном бюджете на 2000 г. строка о поддержке малого предпринимательства вообще отсутствует. Развитие МСП сталкивается с массой бюрократических ограничений. Оно сковывается уже разрешительным (а не уведомительным) порядком регистрации вновь создаваемых малых предприятий; много трудностей предпринимателям создает и существующая система лицензирования и сертификации. К примеру, для того, чтобы открыть магазин в России, нужно получить в 4 раза больше разрешений, чем в Польше. В Москве для того, чтобы создать малое предприятие, нужно собрать около 30 справок, что занимает обычно около полугода. Чрезмерно громоздкой является система отчетности. Отсутствует надежная правовая (в том числе судебная) защита предпринимательской деятельности. МСП удушается налоговым прессом, бюрократическим и мафиозным рэккетом. В результате число малых предприятий в России равно числу малых предприятий в Венгрии – стране, население которой в пятнадцать раз меньше населения России. В среднем в нашей стране на 1000 предприятий приходится 6-7 малых, в то время как в развитых европейских странах – 45-50¹. Интересно отметить, что количественные показатели развития МСП в России остаются практически неизменными с 1994 г., до которого частное предпринимательство было единственным растущим сектором реальной экономики. Более того – внешняя среда для мелкого и среднего бизнеса постепенно, но постоянно ухудшается. В этом заключается одна из причин того, что становление в России среднего класса происходит с таким трудом.

Таким образом, политика государств привела к тому, что в России сложился, по определению Г. Явлинского, «корпоративный олигархический полукриминальный строй, основанный на старых советских монополиях»². При этом строе собственность слита с властью и не гарантирована без власти, нет нормальной частной собственности, нет нормального рынка (одно из свидетельств этому – тот факт, что в российской экономике около 60% всех операций совершается без денег, через бартер или векселя). Государственный аппарат реально располагает не только административными, но и административно извращенными экономическими рычагами управления хозяйственной жизнью, используя эти рычаги в интересах элитных групп. Государственный аппарат располагает финансовыми и материальными ресурсами (хотя и сократившимися), но распределяет и перераспределяет их не столько в народнохозяйственных, сколько в групповых интересах. К тому же расходы на содержание само-

¹ «Известия», 01.12.1999.

² «Независимая газета», 10.04.1998.

го аппарата растут. Экономика остается крайне монополизированной, а для удушения конкурентов нередко используется государственный и криминальный рэкет. Главным действующим лицом в такой экономике является не предприниматель, производящий товары и услуги (как это имеет место при либеральном капитализме), а чиновник, торгующий экспортными квотами, лицензиями, централизованными кредитами и бюджетными трансфертами. Сложившаяся в России социально-экономическая система застойна и способна лишь к бесконечному самовоспроизводству, а не к эволюционному реформированию.

В России существуют лишь элементы рыночной экономики (преимущественно в торговле и сфере услуг). Если понимать под капитализмом систему, основывающуюся на рыночной экономике, частной собственности и свободном предпринимательстве, – то до него России все еще очень далеко. Как заметил французский экономист Ив Лолан, «если общественная система допускает быстрое и несоразмерное обогащение узкой олигархии, то это прямая противоположность подлинного капитализма»¹. Таким образом, мысль Г.В. Плеханова о том, что Россия страдает не столько от развития капитализма, сколько от недостатка его развития, остается актуальной и ныне.

Как показывает «индекс экономической свободы» (характеризующий, в какой степени в стране соблюдаются принципы экономической свободы – гарантии частной собственности, защита частного сектора от сверхрегулирования, защита от излишнего налогообложения, защита денег от инфляции, свобода контактов с зарубежными партнерами и т. д.), Россия в середине 90-х годов находилась в группе стран с наиболее угнетенной экономикой. Ее «индекс экономической свободы» в 1995 г. составил 3,5 по десятибалльной шкале. (Для сравнения: в той же группе стран с самыми низкими уровнями экономической свободы – от 1,9 до 3,6 – оказались Алжир, Бурунди, Гаити, Зимбабве, Центральная-Африканская Республика. Индексы же экономической свободы ряда посткоммунистических стран, реформы в которых протекали более успешно, чем в России – Эстонии, Литвы, Чехии, Венгрии – составляли от 5,1 до 5,5)². Важно отметить, что в 70-е – 90-е годы страны с более высоким уровнем экономической свободы развивались гораздо динамичнее, чем страны с низким ее уровнем. Очевидно, что в случае усиления государственного дирижизма уровень экономической свободы в России еще более уменьшится, что исключает реальный экономический подъем.

При таком содержании государственной политики “усиление государства”, “повышение его роли в экономике” может привести лишь к усилению факторов, блокирующих прогресс общества. Лечить экономику укреплением номенклатурного капитализма бесперспективно. Даже в

¹ «Российская газета», 09.12.1993.

² «Известия», 27.05.1997.

тех странах, где существует реальная рыночная экономика, государственный аппарат контролируется представительной властью и гораздо менее коррумпирован, чем в России, – даже там выходящий за разумные пределы государственный интервенционизм и чрезмерные масштабы перераспределения ВВП ведут к падению эффективности экономики и снижению темпов экономического роста. Можно соглашаться или спорить с директором Института экономического анализа А. Илларионовым относительно того, что темпы роста находятся в обратной зависимости от масштабов государственной деятельности, но бесспорно другое: **первое, что нужно сделать для оздоровления российской экономики – это оздоровить российское государство.**

В России, где существует никем не контролируемая власть коррумпированной бюрократии, последствия усиления государственного дирижизма будут особенно тяжелыми. Сохранение непрозрачности деятельности исполнительной власти и ее бесконтрольности приведет к тому, что бюджетные деньги будут по-прежнему перераспределяться по произволу чиновников, перекачиваться в связанные с ними фирмы или просто расхищаться. Государственный аппарат приобретет еще больше полномочий и получит новые рычаги для удушения своего конкурента – независимого частного бизнеса.

Психологическая привлекательность идеи усиления роли государства в экономике, конечно, понятна – она лежит в русле многовековых русских упований на государство, ведь с незапамятных времен в России ожидали избавления от всех бед **сверху**, от государственной власти. Но и тогда мудрые русские люди говорили: «не надейся на князи... в них бо нет спасения». И ни от чего Россия так не страдала на протяжении почти всей своей истории, как от гипертрофии роли государства в жизни общества и отсутствия социальной инициативы **снизу**. Результатом было, по замечанию В.О. Ключевского, то, что «государство пухло, а народ хирел». Весь вред чрезмерного этатизма для экономики особенно наглядно продемонстрировало тоталитарное коммунистическое плановое хозяйство. Именно коммунизм показал на практике, что чиновник никогда не сможет заменить предпринимателя и что там, где личная инициатива подавлена, неминуемо наступает экономическая стагнация.

Процесс нарастания этатистских начал в нынешних условиях России вполне может завершиться созданием глобального государственного псевдокапитализма, при котором государство будет распоряжаться прямо или косвенно ресурсами общества. Такой госкапитализм доведет до логического конца все отрицательные тенденции, присущие ельцинскому номенклатурному капитализму: единственным хозяйствующим субъектом останется чиновник, а ростки рыночного хозяйства, личная и коллективная инициатива будут окончательно оттеснены на периферию экономики. В конечном итоге может возникнуть – используем здесь цитату из работы

русского философа-эмигранта Б.П. Вышеславцева «Кризис индустриальной культуры» (1953) – «завершенный капитализм, управляемый единым трестом государственных капиталистов, бесконечно увеличивших свой капитал и свою власть»¹. Неолиберал Б. Вышеславцев, представляется, обоснованно считал, что из всех видов капитализма наихудшим является капитализм государственный – особенно в той тоталитарной его форме, в которой он утвердился в СССР. В результате национализации и этатизации экономики, предупреждал русский философ, произойдет «соединение экономической и политической власти над капиталом и над людьми в руках немногих лиц», что сделает эту власть абсолютным самодержавием. Именно это «страшное соединение экономической и политической власти» и казалось Б. Вышеславцеву самым опасным в государственном капитализме. Итог, считал философ, будет следующим: «Капитал приобрел всю власть, и власть приобрела весь капитал», как это произошло в СССР и других тоталитарных странах².

Подведем итоги. Любая концентрация власти таит в себе опасность. Особенно это касается нынешнего российского государства. Рост вмешательства его чиновников в экономику лишь позволит им расхитить новые средства и усилит их бесконтрольную власть, разрушит и те хрупкие ростки рыночной экономики, которые пробились сквозь бюрократический асфальт за годы «реформ». То, что нужно сейчас России – это четкое **отделение** государства от бизнеса, власти от собственности, публично-правовой сферы от частно-правовой. Чтобы создать условия для вмешательства государства в рыночное хозяйство, нужно сначала создать это рыночное хозяйство, а для этого нужно реформировать государство, причем не столько его структуры, сколько направленность, содержание его деятельности. Параллельно с созданием рыночной экономики следует разрабатывать и инструментарий ее регулирования. Но надеяться на то, что созданием институтов рыночной экономики будет заниматься существующий ныне государственный аппарат, бессмысленно.

Нынешнему государству нужна альтернатива. Государству, создавшему неонеоменклатурный псевдокапитализм, нужно противопоставить демократическое государство, видящее своей задачей развитие гражданского общества политической и экономической демократии.

Любая власть – и исполнительная, и законодательная – должна быть подконтрольна обществу, ответственна перед ним. Нужны реальные, властные полномочия органов местного самоуправления, их подлинная (в том числе финансовая) независимость от вышестоящих органов, нужна для них соответствующая ресурсная база. Необходим подлинно независимый и компетентный суд.

¹ Б.П.Вышеславцев. Кризис индустриальной культуры. Марксизм, неосоциализм, неолиберализм. Нью-Йорк, 1953, с. 24.

² Там же, стр.122, 130.

В сфере экономики для того, чтобы лишить номенклатуру ее экономического всемогущества, необходимо развитие системы экономической демократии, иными словами, установление различных форм общественного контроля над экономикой. Уже рыночная конкуренция сама по себе является одной из форм экономической демократии. Процесс взаимодействия между контрагентами в условиях рыночного хозяйства, по оценке одного из основоположников неолиберализма В. Репке, есть своеобразный «ежедневный плебисцит, при котором каждый франк, истраченный потребителями, представляет собою поданный голос, а реклама производителей есть избирательная пропаганда для выбора производимых благ... Такая демократия потребителей имеет еще и преимущество самой совершенной пропорциональной системы, ибо голоса меньшинства также принимаются во внимание. Демократия рынка по своей бесшумной точности превосходит самую совершенную политическую демократию»¹. Отсюда следует, что борьба против монополизации экономики, за расширение простора для действия принципа свободной конкуренции уже есть борьба за экономическую демократию.

Необходимы и другие формы контроля общества над экономикой, и, как показывает западный опыт, эти формы могут быть весьма разнообразными. Прежде всего, широкие слои населения могут участвовать в собственности частных компаний через «народные акции». Предоставляя акции своим сотрудникам, частные фирмы добиваются не только смягчения внутренних конфликтов на предприятии, но и получают новые средства для инвестиций в производство. Формой общественного контроля над экономикой могут стать производственные, потребительские, промысловые и кредитные кооперативы.

Важной формой общественного контроля над экономикой способны стать также и предприятия, находящиеся в коллективной (точнее – долевой частноколлективной) собственности работников. В современном российском законодательстве фирмы такого типа именуются акционерными обществами работников («народными предприятиями»); к ним относятся компании, не менее 75% акционерного капитала которых принадлежит их персоналу. От обычных акционерных компаний они отличаются тем, что на народных предприятиях действует принцип «один акционер – один голос» (в то время как в традиционных акционерных обществах возможность влиять на дела фирмы зависит от числа акций, которыми акционер владеет). Тот факт, что уже сейчас в России есть десятки предприятий, выкупленных их персоналом путем аренды с выкупом и функционирующих как акционерные общества закрытого типа, доказывает, что такого рода собственность в нашей стране имеет перспективы.

¹ W. Röpke. Die Gesellschaftskrise der Gegenwart. Zürich, 1942, S. 162. Цит по: Б.П.Вышеславцев. Кризис индустриальной культуры, с. 205-206.

Наконец, важным элементом системы экономической демократии является также мелкая и средняя частная собственность. Частная собственность дает инициативным и предприимчивым людям возможность реализовать свой творческий потенциал. Мелкий и средний бизнес создает дополнительные рабочие места и позволяет решить проблему безработицы. Небольшие частные предприятия являются противовесом крупным корпорациям, а потому и выступают как форма контроля общества над крупной экономической властью. Мелкое и среднее предпринимательство должно быть надежно защищено и от бюрократического, и от мафиозного рэкета.

Сейчас представляется особенно важным развитие всех видов кооперации в аграрном секторе, брошенном по сути на произвол судьбы. В сельском хозяйстве оптимальным представляется плюрализм форм собственности (от коллективных до фермерских хозяйств) в рамках развитой системы снабженческой, сбытовой, кредитной и перерабатывающей кооперации. Также необходимо создание кооперативов, предоставляющих крестьянам в аренду сельскохозяйственную технику. Излишне говорить, что наилучшей поддержкой кооперативного движения стало бы льготное кредитование кооперативов государством.

Элементом экономической демократии можно считать различные фонды, аккумулирующие средства населения и использующие их для скупки акций предприятий. Такого рода фонды получили широкое распространение, например, в США. Активную инвестиционную деятельность осуществляют, прежде всего, американские пенсионные фонды, в которые делают взносы все – как работополучатели, так и работодатели. Определенную часть своих средств держат в ценных бумагах профсоюзы и страховые общества. Многие рабочие и служащие являются членами потребительских обществ, которые также вкладывают часть своих средств в покупку акций. Благодаря этой системе работополучатели становятся совладельцами частных компаний и тем самым получают возможность влиять на экономику, которая эволюционирует от чистого частнопредпринимательского капитализма к «коллективному капитализму», «народному капитализму» или даже, как считают некоторые экономисты, к «социализму пенсионных фондов». Представляет интерес также система инвестиционных фондов в Швеции, где роль инвесторов играют профсоюзы. В этой модели определенная доля прибылей фирм отчисляется в фонды паевых накоплений, или фонды трудящихся, управляемые профсоюзными функционерами. Часть средств этих фондов расходуются на образование и обучение, а часть инвестируется в промышленность. Таким образом, считают шведские социал-демократы, трудящиеся постепенно становятся собственниками капитала. Паевые инвестиционные фонды (ПИФы) несколько лет назад появились и в России. Было бы желательно, чтобы в будущем различные инвестиционные фон-

ды, прежде всего профсоюзные, превратились в реальную экономическую силу, становясь владельцами все большей доли акционерного капитала в стране.

Становление реально независимого от произвола чиновников частного и кооперативного сектора экономики позволит отделить государство от бизнеса и положит конец слиянию власти и собственности в руках властвующей элиты. Но в России, конечно, будет существовать и публичная (государственная и муниципальная) собственность. Эти формы собственности также являются одним из инструментов контроля общества над экономикой. В силу исторических и географических причин государственный сектор в России, вероятно, будет весьма значительным. В то же время требуется постепенная диффузия экономической власти, что уменьшит социальную мощь правящего класса, подорвет монополию неономенклатуры в экономике (а значит, и в политической сфере). Возникнет смешанная экономика, включающая, с одной стороны, рыночный сектор, конкуренцию и разные формы частной и коллективной собственности, с другой – государственную и муниципальную собственность и государственное вмешательство в экономику (с помощью мер денежно-кредитной и бюджетной политики и экономического программирования). Разумеется, государственное регулирование не будет иметь ничего общего с советским тотальным планированием, которое несовместимо с личной свободой и в принципе не способно согласовать спрос и предложение. Государство должно прежде всего заботиться о поддержании рыночной конкуренции, предотвращении монополизации. Оптимальная степень государственного вмешательства в рыночную экономику в российских условиях не может быть определена априорно, ее можно найти только опытным путем.

Как нам представляется, наиболее реальным путем к благосостоянию для всех в России является не «государственничество», не государственный капитализм, а экономическая демократия, базирующаяся на рыночных отношениях и поддерживаемая государственным регулированием. Но для развития российского общества по этому пути нужно в первую очередь создать в России современное цивилизованное государство, служащее интересам народа.
